

МАНИ
НЬИ
СЛО
МИ

ШИМУН ЮРИЙ
ВРОЧЕК НЕКРАСОВ

ЗОЛОТАЯ ПУЛЯ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В82

Разработка серии и иллюстрация на переплете —
К. А. Терина

Врочек, Шимун.

В82 Золотая пуля / Шимун Врочек, Юрий Некрасов. —
Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Сломанный миф).

ISBN 978-5-04-099776-3

После атомной войны Америка превратилась в темную мистическую версию Дикого Запада. Миром правят револьвер, жестокость и магия. Смерть — слишком важное дело, чтобы доверять его взрослым. Однорукий стрелок и двое детей — мальчик Джек и девочка Бетти — идут разными путями, сквозь годы и расстояния, к единой цели — ржавой атомной бомбе посреди высохшего соляного озера. Они хотят одного — воздаяния и мести. Но что они получают взамен?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ш. Врочек, Ю. Некрасов, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099776-3

Ровно в полночь

- **В**пусти меня! — кричало за окном чудовище. — Я хочу съесть твою ногу!

Роб Стуммфилд скатился со стула, на котором дремал, изнуренный алкоголем, и открыл глаза. В первый момент он даже не сообразил, где находится — желтый свет керосиновой лампы вырезал из темноты стол, грязные тарелки, сковороду с остатками тушеных бобов и косматую голову Шустера Грейпа. Мертвый убийца смотрел с издевательским прищуром. Роба передернуло. Теперь он вспомнил. Перевал Горбатого Дьявола, сегодня одиннадцатое июля, а Шустер стоит две тысячи долларов. На одного неплохо, на двоих в обрез, а Бетти снова больна. Роб с трудом выпрямился, занемевшие мышцы тянулись, как сыромятные ремни.

За стенами дома шумел дождь.

Роб слышал, как падают капли в пластиковое ведро, которое Медведь поставил себе на грудь. Крыша над кроватью протекала, а Медведь был непривередлив. Судя по плеску, в ведре набралось уже порядочно...

За окном чудовище билось и кричало тонким голоском.

— Впусти меня! Пожалуйста! Я хочу... — Продолжение фразы утонуло в грохоте и обиженном рёве. Ведро опрокинулось.

Пока Медведь бушевал и отряхивался, Роб взял винтовку и пошел к двери.

На крыльце стояла девушка в насквозь мокрым зеленым пончо.

— Помогите! — закричала она, как только дверь открылась. — Моя лошадь сломала ногу! Помогите!

Роб молча оглядел гостью. Струи дождя стекали по ее волосам и лицу. Роб опустил винтовку.

— Входите, — сказал он.

Она была красоткой — с той долей неуклюжести, что отличает девушек-подростков, недавно перешагнувших порог женственности. Пока она вытирала волосы, мокрая рубашка облепила крупную грудь. Медведь за спиной Роба присвистнул. От него несло мокрой псиной и похотью.

Роб сказал сквозь зубы:

— Глаза не сломай.

— Я что? Я ничего. — Медведь шумно зевнул. Роб поморщился. — Не очень-то и хотелось, — добавил Медведь.

Почему-то Роб ему не поверил.

После вчерашнего выпивки не осталось, поэтому он поставил на огонь закопченный кофейник. Разогрел бобы. Девушка сняла мокрую одежду, завернулась в одеяло, под села ближе к огню.

— Кто вы, мисс? — спросил Роб.

Девушка тряхнула головой. Темные влажные волосы рассыпались по плечам — Роб почувствовал слабинку внизу живота и отвернулся.

— А вам какое дело?

Роб пожал плечами.

— Никакого. — Он присел и поворошил кочергой угли. Они пылали ярко и багрово. — Есть хотите?

— Д-да.

— Как вас зовут?

— Аэлита.

Странное имя. Робу не понравилось. Он смотрел, как Аэлита ест — неловко зачерпывая деревянной ложкой бобы, — почему-то даже это его раздражало. Они с Медведем открыли для девушки последнюю банку, больше на дорогу до Амарилло у них нет ни крошки. А ей наплевать. Впрочем, если даже Медведь не ворчит, то ему, Робу, совсем это не к лицу.

— Спасибо! — Девушка положила ложку, вытерла губы. — Теперь вы должны мне помочь.

Роб поднял брови:

— Должны? У нас нет запасной лошади.

— Понимаете, я преследую одного человека...

Лицо Роба осталось неподвижным. Он аккуратно налил кофе в железную кружку, придвинул девушке. Над черной поверхностью кофе поднимался пар.

— Вам неинтересно? — удивилась девушка.

Роб молчал.

— Я думала, вы мне поможете, — сказала Аэлита. — То есть вы... вы должны мне помочь!

— Сомневаюсь, — сказал Роб.

— Почему?!

— Потому что вы нам ничего не рассказали, мисс. — Роб пожал плечами. — Решать вам, конечно... Я не лезу в чужие дела. Зато, пока жевали бобы, вы придумали, как нас облапошить.

Девушка вскинула голову. Медведь позади расхохотался:

— Слушайте его, мисс. Роб у нас умный.

Аэлита посмотрела рассерженно, выпрямилась. Одеяло на мгновение соскользнуло с груди. Медведь шумно слотнул, подался вперед.

— Я не собиралась... — начала девушка.

— Роб, есть дело, — сказал Медведь и, не дожидаясь ответа, потащил товарища за локоть. Роб нехотя встал.

На крыльце компаньон остановился. Шум дождя стал оглушительным. Медведь сделал шаг назад, вышел из-под крыши, и капли забарабанили по тугой коже его шляпы.

— Какая девушка... а? — Медведь натолкнулся на взгляд Роба, замолчал. — Э... Не заводись. Ты чего? Чего, а? Я ж пошутил!

— Да? — безразлично спросил Роб.

Глаза Медведя забегали.

Роб помолчал. Что с этого дикаря возьмешь?

— Она тебе никого не напоминает? — спросил наконец.

Низкий лоб Медведя пошел складками, мохнатые брови сдвинулись к переносице. Охотник покачал головой.

— Да вроде нет. — Медведь помедлил, спросил осторожно: — А что?

— Ничего, — сказал Роб. — Показалось. Пошли обратно.

Охотника прозвали так шайены — Сумасшедший Медведь, Который Никогда Не Спит. Шатун. Когда Роб с ним впервые встретился, Медведь пропивал последние деньги, заработанные убийством индейцев, и выглядел конченным ублюдком. Впрочем, таковым он и являлся. Не надо иллюзий.

Но лучшего следопыта не найти. Разве что настоящего индейца из шайенов. Да где ж их возьмешь? Так из бывшего капитана бронекавалерии и верзилы-янки получился отличный дуэт охотников за головами.

— Вы же работаете на закон, — сказала Аэлита. — Разве нет? Он опасный человек, этот Джек Мормо. Если мы его не остановим...

Роб негромко спросил:

— Сколько дают за его голову?

Девушка рассердилась:

— Вы меня вообще слушаете? При чем тут деньги? Он убийца... Он маньяк! Он опасен!

— Ну, я уже достаточно наслушался. — Роб поднялся. — Пойду проверю лошадей. Простите, мисс, ничем не могу помочь.

— Нет, можете.

Роб поднял брови.

— Вам все равно придется мне помочь, — сказала девушка решительно. Вытянула руку, голос вдруг наполнился невероятной силой, зазвенел, как громкоговоритель на площади: — Именем Конфедеративных Штатов призываю вас на службу президенту и свободному человечеству!

И дальше — на непонятном языке, по звучанию похожем на язык краснокожих. Навахо, нет?

Роб кожей почувствовал, что это не просто слова. По спине пробежал озноб.

— Что еще за сраный президент? — удивился Медведь. — Простите, юная мисс, придется вас отшлепать, — прогудел он довольно.

Аэлита выпрямилась.

— Гражданин Конфедерации Джеремайя Смоки!

На удивление Роба, Медведь вздрогнул и вытянулся по струнке.

— Я!

— Готовы отдать жизнь во имя добра, справедливости и защиты человечества?

— Что?

— Готовы, спрашиваю?!

— Да! — Во взгляде Медведя (Джеремайи?) загорелся фанатичный огонек. Черт, да что с ним? Роб попятился.

Девушка повернулась к Робу:

— Гражданин Конфедерации Ро...

Роб выскочил в дверь, захлопнул ее за собой. Иди к дьяволу, сука! Пригибаясь, он бросился к сараю. Струи дождя ударили по спине, вода полилась за шиворот. Вот же угораздило, подумал Роб. А так все хорошо складывалось...

Шляпа осталась в доме, волосы мгновенно намокли. Даже сквозь шум ливня Роб слышал, как в конюшне тревожно переступают и всхрапывают кони.

Вспышка молнии высветила залитый водой двор.

Окно распахнулось.

— Гражданин Конфе... — Гром перекрыл последнее слово.

Роб бросился в грязь ничком, заткнул уши. Ведьма, ведьма. Если Медведь на ее стороне, он будет стрелять... Ч-черт. Чертова молния! Двор осветился ослепительным белым светом.

Пуля ударила в грязь перед самым лицом Роба.

Перезарядка на два счета — у Медведя винчестер. Раз! Роб вскочил и рванулся вперед. Два. Пуля выбила щепки из дверного столба. Роб влетел в сарай и с разгону врезался плечом в ограждение денника. Треск. Роб упал на землю. Испуганные лошади всхрапывали. Вороной жеребец Роба по кличке Дюк поднялся на дыбы, забил копытами в воздухе. В свете молнии блеснули его оскаленные зубы. Хоррроший мальчик, подумал Роб. Испугался? Тихо-тихо-тихо...

Раскат грома. Дюк ударил копытом в дверь денника — доска треснула. Роб откатился, встал на ноги.

Плечо зверски болело. Роб вынул из набедренной кобуры «кольт», проверил — пять патронов. Шестая камера напротив ствола была пустой — защита от случайного выстрела. Пять патронов. И все. Но даже не в этом дело...

Медведь — противник свирепый, опытный, хитрый, но Роб знает все его уловки. Ведьма гораздо опаснее. Два слова — и он в ее власти. Что это за президент такой? Что вообще происходит? Откуда она знает настоящее имя Медведя? Даже Роб его не знал, а они столько лет работают вместе.

И этот ее голос...

Роб скрипнул зубами, набрал пригоршню влажной земли с соломой, раскатал в ладонях и залепил уши.

Звуки исчезли.

Их сменило низкое гудение, точно находишься глубоко под водой.

— Тихо, мальчик. Тихо, — беззвучно заговорил Роб. Он протянул руку, пошел на жеребца. — Тихо, Дюк, тихо...

Жеребец успокоился и позволил к себе приблизиться.

Роб похлопал Дюка по шее — прости, друг. Выбираться сейчас с жеребцом было бы самоубийством. Жеребец беззвучно мотнул головой, словно прощаясь.

— Увидимся, друг, — сказал Роб.

Раскат грома. В черных глазах жеребца мелькнула паника. И что-то еще, страшное и глубокое, словно кто-то другой, древний и жестокий, выглянул из глаз Дюка. В следующее мгновение жеребец ухватил зубами руку Роба...

Хруст.

Роб понял, что кричит.

* * *

Утром он ушел далеко в горы, чтобы сбить со следа Медведя, если тот надумает отправиться за ним, и вернулся к хижине окольным путем.

Светало. В сыром воздухе медленно струился туман.

Роб, дрожа от холода, вытащил «кольт» из кобуры левой рукой. Солдатская модель, «сингл экшн», самая надежная. Но курок требовалось взводить каждый раз вручную. Отличный револьвер — для стрелка с двумя здоровыми руками. Роб большим пальцем левой руки взвел курок, барабан послушно провер-

нулся. Даже от этого крошечного усилия в глазах потемнело.

Проклятый жеребец. Роб почувствовал ярость. Нет, «мальчик» не виноват — это все ведьма...

Аэлита вышла из хижины и что-то сказала Медведю.

Старый друг выглядел спокойным — необычайно спокойным. Вялым. Молчал. Двигался, только когда девушка ему приказывала.

Роб поймал ее на мушку. Так, теперь задержать дыхание... Аэлита, словно почувствовав его взгляд, повернулась. Роб замер. Дуло револьвера смотрело ей прямо между глаз. Аэлита простояла некоторое время, вглядываясь в заросли, где спрятался Роб. Робу даже показалось, что она его видит. Но нет. Аэлита повернулась и ушла в дом.

Он опустил револьвер. Рука дрожала.

— Бетти, — сказал Роб.

Когда Медведь с ведьмой уехали, забрав лошадей, Роб вернулся в хижину. В сапогах хлопало. После ночи, проведенной под дождем в лесу, чудовищно хотелось спать.

Медведь не оставил ему ни патронов, ни припасов — ничего. Даже чертового ножа, чтобы нарубить чертовых веток. Теперь Робу предстояло добираться до города пешком, с одним «кольцом», без еды и воды, с покалеченной рукой. Правая кисть опухла и налилась синевой.

Роб снял с вешалки потрепанную кожаную флягу, воняющую тухлятиной. Даже Медведю она не приглянулась. Ну, с паршивой овцы...

— Ведьма, — сказал Роб.

Главное, исчезла голова Шустера Грейпа. Гарантированные законом две тысячи призовых долларов. Бетти — ему нужны эти деньги для нее. Бетти больна.

Сейчас хотя бы огонь развести, согреться. Роб распахнул дверцу печки... и отшатнулся...

Рассмеялся.

Из кучи углей, выброшенный, словно ненужная вещь, Робу улыбался обугленный череп Шустера Грейпа, убийцы и насильника. В пустой глазнице мерцала ирония. Второй глаз обгорел, но уцелел. Он смотрел на Роба с обещанием смерти.

— Мать твою так, — сказал Роб.

Мать твою так. Что нужно сделать с Медведем, чтобы тому стало наплевать на две тысячи долларов?

Чертов неудачник Шустер, даже смерть его не принесла никому никакой пользы.

Роб стиснул зубы. Это не Медведь, это все ведьма. Это все она.

Сырость пробрала его до костей. Он стянул ногами сапоги. Помогая себе зубами, кое-как снял одной рукой мокрую рубаху — и кажется, по пути оторвал пару пуговиц. Ерунда. Расстегнул ремень с кобурой, бросил на стол. Извиваясь всем телом, выполз из грязных джинсов. Задевая время от времени раненую руку, Роб замирал на несколько мгновений, затем снова начинал барахтаться. Если сейчас не согреться, считай, все пропало. Конец.

Он разделся догола, вылез на крыльцо. Солнце показалось из-за гор, наползло на долину, пронизывая лучами кроны деревьев. Яркие пятна пробежали по стене хижины, залили крыльцо. Роб подставил под

солнечные лучи продрогшее тело, зажмурился, впитывая тепло.

Когда немного пришел в себя, Роб вытащил из дома мокрую одежду, побултыхал в бочке с дождевой водой. Она сразу стала мутной, грязной — точно душа предателя и труса. Почти теряя сознание, в полубреду, он кое-как отжал вещи одной рукой, зажимая подмышкой и коленями. Затем развесил на крыльце сушиться. От одежды под солнцем шел пар.

Глаза слипались. Он посидел, впитывая солнце всем телом, несколько раз уснул, проснулся, вошел в дом и завалился в кровать, завернувшись в зеленое вонючее пончо.

И мгновенно вырубился. Провалился в бездонную пропасть. И все время, пока спал, падал в нее, а внизу, в темноте, тонкими голосами кричали чудовища и тянули к нему свои щупальца.

Проспав несколько часов, Роб проснулся оттого, что задел больную руку. Искалеченную на фиг и окончательно руку. Боль пронзила его, как электрический разряд. «Хватит себе врать, Роб, мальчик мой». Как там в песне? Я-я-я человееек постоянной печали. Я вечный неудачник. Роб посмотрел: пальцам пришел конец. Сколько там костей? Рука превратилась в перчатку Микки-Мауса, разбухшую, сиене-багровую и туго натянутую, словно изнутри ее распирали трупный газ.

Несколько мгновений от боли Роб даже не мог дышать.

Когда боль немного отпустила, он встал, одеревеневшее тело с трудом слушалось. Напился дождевой воды из бочки. Пил и пил, пока не обессилел. Роб сто-

ял у бочки, шатаясь, словно взмыленная лошадь с раздувшимся полным брюхом. Затем снова начал пить.

Собрал подсохшие вещи, с трудом оделся.

И отправился в погоню.

В самую медленную погоню в истории штата.

* * *

Медведь и ведьма уходили в горы, а стрелок преследовал их. Закончился лес, остались позади сосны и песчаные пустоши у зеркально-глубоких, как глаза неба, озер, а беглецы не стали ближе, но и стрелок не стал от них дальше. Рана мешала ему. Забывшись, Роб начинал действовать больной рукой, вздрагивал... бледнел смертельно. В голове вспыхивала и мерно, неумолимо пульсировала чернота.словно внутри Роба соревновались в гулкой пустоте два метронома, два таймера, и оба вели отсчет к смерти — но разными путями. Один говорил: ты умрешь. Другой тоже говорил: ты умрешь, Роб, но сначала умрут другие. Первый стучал чаще — вспышками черноты перед глазами, позади глаз, отдавался в больной руке. Первый стучал чаще... но Роб предпочитал верить второму. Кажется, это была надежда.

Надежда обретает разные формы; возможность умереть минутой позже другого — это тоже может считаться надеждой.

К утру следующего дня Роб вышел к заброшенной бензоколонке. Рыжие от ржавчины, некогда голубые заправочные колонки. Выгоревшая вывеска с человеком в ковбойской шляпе — человек напоминал висельника. Налетел ветер, и висельник помахал Робу жестяной рукой.

«Заходи, дружище. Заправься».

Скри-и-ип. Скри-и-и-п.

Роб постоял, щурясь на солнце. Потом пошел дальше. Ему нужно было спешить.

...Трупы встретились Робу на второй день. Шатаясь от усталости, он брел по следу ведьмы и Медведя, чутьем следопыта находя места их стоянок. Уже в последнем кострище зола была теплой. Роб помедлил, еще не готовый поверить. Не может быть. Он настигал их. Черт побери, он действительно настигал их!

И тут он увидел черный столб дыма на горизонте.

Дым поднимался над горизонтом весь день, пока он шел, а затем исчез.

А потом Роб вошел в город.

С первого взгляда казалось, что в городе все в порядке. Все по-обычному, как всегда. Маленький городок, по большей части трейлерное поселение. Только... Собаки не лаяли.

Вокруг стояла невозможная, нежилая тишина. Роб прошел мимо покосившегося ржавого пикапа без колес, некогда бывшего голубого цвета, заглянул внутрь — на прорванных сиденьях кто-то оставил бутылку из-под ржаного виски.

Обливаясь потом, Роб одновременно стучал зубами от холода. Под палящим солнцем он мерз, кутаясь в шерстяное пончо. Чертова лихорадка. Ноги превратились в чугунные столбы, язык присох к глотке. Его трясло и мотало. Но хуже всего, хуже этой наркоманской дрожи была жажда. Вода воняла мертвецами и плесенью, но даже ее уже не осталось. Роб безнадежно потряс флягу и вытряхнул последние капли